

УДК 341.4, 341.6

Г. М. ГРИГОРЯН

ПРОБЛЕМЫ РОЗЫСКА, ЗАДЕРЖАНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ПРИЧАСТНЫХ К СОВЕРШЕНИЮ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫМИ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИМИ СТОРОНАМИ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

В статье анализируются проблемы международного сотрудничества в сфере обнаружения, ареста и передачи Международному уголовному суду лиц, обвиняемых в совершении военных преступлений, а также конституционно-правовой запрет на выдачу собственных граждан. Проведенный автором анализ позволяет предложить научно обоснованные рекомендации по совершенствованию порядка эффективного исполнения ордеров на арест, выданных Международным уголовным судом по розыску, задержанию и передаче лиц, обвиняемых в совершении военных преступлений.

HAYK GRIGORYAN

ISSUES REGARDING DETECTION, ARREST AND TRANSFER OF OFFICIALS INVOLVED IN MILITARY CRIMES COMMITTED BY WARRING PARTIES OF AN ARMED CONFLICT

ГРИГОРЯН
Гайк Мкртычевич,

кандидат юридических наук, заместитель Председателя Следственного комитета Республики Армения – начальник Главного военного следственного управления, полковник юстиции докторант кафедры криминалистики Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

The article analyzes the problems of international cooperation in the sphere of detection, arrest and transfer of persons accused of committing war crimes to the International Criminal Court as well as the constitutional and legal prohibition on extradition of states' own citizens. The analysis carried out by the author makes it possible to propose scientifically grounded recommendations on improving the effectiveness of execution of arrest warrants issued by the International Criminal Court for detection, arrest and transfer of persons accused of war crimes.

Введение

После Второй мировой войны Нюрнбергский и Токийский Международные военные трибуналы создали фундаментальную международно-правовую базу для суда над военными преступниками и положили начало формированию системы основополагающих принципов международного уголовного права, являющихся ныне общепризнанными. Как было заявлено судьями Нюрнбергского трибунала, «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права» [1, с. 368]. Статья 7 Устава Нюрнбергского трибунала определяет, что «должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания». В той же формулировке она была перенесена в п. 4 (а) ст. 2 Закона Контрольного совета № 10. Нюрнбергские принципы формулируют норму недопустимости ссылки на должностное положение уже применительно ко всему корпусу международного права: «Тот факт, что человек, который совершил акт, который является преступлением по международному праву, действовал в качестве главы государства или ответственного правительственного чиновника, не освобождает его от ответственности по международному праву» (принцип III).

С момента принятия Устава ООН в 1945 году дальнейшая разработка норм международного уголовного права, предусматривающих индивидуальную уголовную ответственность за военные преступления, происходила в рамках ООН. Так, нормативное закрепление Нюрнбергских принципов осуществлено в Резолюции 95(1) Генеральной Ассамблеи ООН «Подтверждение принципов международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала» от 11 декабря 1946 г. [2, с. 139–140], а детализация – в принятых в 1950 году на второй сессии Комиссии международного права ООН Принципах международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в решении этого трибунала [3, с. 101–102]. Правовую основу проекта Свода законов, гарантирующих мир и безопасность человечества, подготовленного Комиссией международного права и принятого в 1954 году Генеральной Ассамблеей ООН, также составляют положения Лондонского статута и некоторые принципы, содержащиеся в приговоре Нюрнбергского международного военного трибунала. Конвенция ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. установила, что никакие сроки давности не применяются к «военным преступлениям, как они определяются в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются Резолюциями 3 (1) от 13 февраля 1946 г. и 95 (1) от 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеи ООН,

а также, в частности, «серьезные нарушения», перечисленные в Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. При этом Конвенция обязывала государства-участники принять все необходимые внутренние меры законодательного или иного характера, направленные на то, чтобы в соответствии с международным правом создать условия для выдачи лиц, виновных в совершении указанных преступлений. Статья 146 Женевской конвенции 1949 года о защите гражданского населения во время войны предусматривает следующее: «Каждая Высокая Договаривающаяся Сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых серьезных нарушений, и, каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду». Все страны – участницы Женевских конвенций 1949 года обязаны разыскивать и привлекать к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений, в особенности высших должностных лиц государства, независимо от их должностного, социального или иного положения.

Основная часть

Принимая во внимание особую необходимость в международных мерах, направленных на обеспечение судебного преследования и наказание лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества, ООН 2 декабря 1973 г. провозгласила принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества.

Тем не менее далеко не во всех случаях лица, причастные к совершению военных преступлений, привлекаются к уголовной ответственности за совершение военных (международных) преступлений. Нежелание противоборствующих сторон вооруженного конфликта преследовать своих граждан – военных преступников, к которым население часто относится как к «героям», и отсутствие обязывающего эффективного правового механизма розыска, задержания и передачи военных преступников являются одним из деструктивных факторов при расследовании военных преступлений. В процессе расследования военных преступлений особенно очевидна, когда противоборствующей стороне вооруженного конфликта надлежит разыскать, задержать и передать лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений. Юридическим препятствием для розыска, задержания и передачи лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений, является противоречивость ряда конституционно-правовых запретов на передачу лиц, а также отсутствие единообразной практики международных и национальных органов уголовной юстиции в этой сфере.

Конституционный принцип гражданства, рассматриваемый в качестве основания для отказа от выдачи гражданина другому государству, воспринят практикой многих стран. Ярким примером конституционно-правового принципа невыдачи собственных граждан может быть ситуация с бывшим перуанским Президентом Альберто Фухимори, который вовремя нашел прибежище в Японии. В самом Перу против бывшего главы государства

были выдвинуты многочисленные обвинения. Япония, в свою очередь, признала, что Фухимори обладает гражданством Японии, а граждане Японии не подлежат выдаче другим государствам. Фухимори так и не был привлечен к ответственности [4, с. 180–181, 196–198]. Так, ст. 55 «Запрет на высылку или выдачу» Конституции Республики Армения (далее – Конституция Армении) [5] в ч. 1 устанавливает, что никто не может быть выслан или выдан иностранному государству, если существует реальная угроза того, что данное лицо может подвергнуться в данной стране смертной казни, пыткам, бесчеловечному или унижающему обращению или наказанию. Часть 2 той же статьи устанавливает, что гражданин Республики Армения не может быть выдан иностранному государству, за исключением случаев, предусмотренных международными договорами, ратифицированными Арменией. Кроме того, не допускается также выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения. Конституционный запрет на выдачу собственных граждан подтвержден ст. 16 Уголовного кодекса Армении и ст. 488 Уголовно-процессуального кодекса Армении. При этом ч. 2 ст. 55 Конституции Армении считает допустимой выдачу граждан при наличии договора, а согласно ст. 53 Конституции Азербайджанской Республики «гражданин Азербайджана ни при каких обстоятельствах не может быть изгнан из страны или выдан иностранному государству», т. е. действует абсолютный запрет на выдачу граждан. Возможность отказа от выдачи собственных граждан закреплена в п. «а» ст. 57 Минской (1993) и п. «а» ст. 89 Кишиневской (2002) конвенций СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Следует отметить, что, ратифицируя Европейскую конвенцию об экстрадиции (1957), государства – участники СНГ выступили с заявлениями относительно невыдачи собственных граждан в соответствии с правом, закрепленным подп. «а» п. 1 ст. 6 вышеуказанной Конвенции. Таким образом, национальный конституционный запрет на выдачу собственных граждан иностранному государству закреплён и в международных договорах, сторонами которых выступают государства – участники СНГ, в частности Армения и Азербайджан.

Не вдаваясь глубоко в анализ конституционно-правовых запретов на выдачу собственных граждан, отметим, что, на наш взгляд, данный принцип должен быть истолкован в соответствии с международным правом, в связи с чем необходимо ограничить процедуру экстрадиции от процедуры передачи лиц, совершивших военные преступления, предполагаемым самим Статутом Международного уголовного суда (далее – МУС). Так, ст. 102 Статута МУС предусматривает, что для целей данного Статута термин «передача» означает доставку лица государством в Суд в соответствии со Статутом, а «выдача» означает доставку лица одним государством в другое государство в соответствии с положениями международного договора, конвенции или национального законодательства.

Строго говоря, на наш взгляд, при передаче лица, совершившего военное преступление, в распоряжение МУС никакой коллизии конституционно-правовых норм национального права и положений Статута нет. Императивный характер международного запрета на соверше-

ние военных преступлений обладает приоритетом над нормами об иммунитете, экстрадиции и любыми другими нормами, предусмотренными национальным правом, так как лица, виновные в совершении международных преступлений, совершают деяния, вызывающие озабоченность всего мирового сообщества в целом. Что касается уголовно-процессуальных проблем, которые могут возникнуть при сотрудничестве государств в сфере борьбы с военными преступлениями, в частности, в сфере выдачи лиц, совершивших военные преступления, противоборствующему (другому) государству, то такой механизм носит чисто декларативный характер и на практике не работает, являясь на данный момент развития международного права бесперспективным, поэтому мы не будем его рассматривать, а рассмотрим механизм передачи лиц, совершивших военные преступления, государствами МУС. Так, в случае принятия МУС к своему производству расследования и осуществления уголовного преследования за совершение военных преступлений, государства-участники обязаны «всесторонне сотрудничать с Судом», что вытекает из буквального толкования положений ст. 86 Статута. Следовательно, «общее обязательство сотрудничать», предусмотренное ст. 86 Статута, предполагает «вертикальную» модель сотрудничества МУС с государствами, что, на наш взгляд, подразумевает исключение механизма, когда запрашиваемое государство может по своему усмотрению приступить к рассмотрению просьбы МУС. При этом полагаем, что метод воздействия и принуждения государств, которые не выполняют просьбу МУС о передаче лиц, совершивших военные преступления, под его юрисдикцию, не позволяя МУС выполнить его функции и полномочия согласно Статуту, должен быть более действенным, чем предусмотренный п. 7 ст. 87 Статута МУС механизм в виде вынесения заключения по этому поводу и передачи вопроса на разрешение Ассамблеи государств-участников, или же когда данный вопрос передан Суду Советом Безопасности – Совету Безопасности ООН, либо предусмотренный п. 3 ст. 93 Статута МУС механизм внесения изменений в свою просьбу. Совет Безопасности ООН может служить гарантом исполнения просьб МУС к государствам и иным субъектам о сотрудничестве (п. 5 и 7 ст. 87 Статута). Безусловно, ключевым моментом «вертикальной» модели «общего обязательства сотрудничать», на наш взгляд, является исполнение государствами просьб (запросов) МУС о передаче под его юрисдикцию лиц, совершивших военные преступления. Подпункт а п. 1 ст. 87 Статута устанавливает: «Суд имеет право обращаться к государствам-участникам с просьбами о сотрудничестве», и в случае обращения МУС к государствам-участникам с просьбой о передаче под его юрисдикцию лиц, совершивших военные преступления, государства так же, как и при других формах сотрудничества, производя процессуальные и иные действия в соответствии со своим национальным правом (ст. 88 Статута МУС), должны беспрекословно выполнять требования МУС как требования «суда последнего уровня». Так, в случае необходимости ареста и передачи МУС лиц, совершивших военные преступления, МУС в соответствии со ст. 89 Статута может препроводить просьбу об аресте и передаче лиц вместе с подкрепляющими эту просьбу ма-

териалами, которые предусмотрены ст. 91 Статута любому государству, на территории которого могут находиться эти лица, и обратиться к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и передаче таких лиц. Государства-участники в соответствии с процедурой, предусмотренной их национальным законодательством, выполняют просьбы о производстве ареста и передаче. Положения ст. 93 Статута устанавливают также, что и государства должны оказывать помощь по всем вопросам, касающимся установления места нахождения доказательств (подп. а), получения различных доказательств (подп. б), проведения осмотра мест или объектов, включая эксгумацию и осмотр захоронений (подп. г), производства обысков и наложения ареста (подп. д), сохранения различных доказательств (подп. ж). Государства должны удостовериться, что они могут получить в свое распоряжение все без исключения материалы и предметы для их предоставления Суду. Они должны также принять законы, соответствующие Римскому статуту, которые позволят прокурору и адвокату защиты получить все доказательства, находящиеся на их территории или принадлежащие их гражданам. Однако эти законы должны также защищать права третьих лиц, если их имущество должно быть представлено Суду в качестве доказательств (подп. к).

При этом представляется, что никаких правовых оснований и оговорок, предусмотренных национальным законодательством для отказа в передаче МУС лиц, совершивших военные преступления, быть не должно, в том числе в соответствии с п. 3 ст. 93 Статута МУС «меры по выполнению просьбы Суда о сотрудничестве запрещены в запрашиваемом государстве на основе существующего основополагающего принципа права общего применения» и в соответствии с п. 4 ст. 93 Статута МУС, когда государство-участник может отказать в просьбе полностью или частично только в том случае, если просьба касается предъявления каких-либо документов или раскрытия доказательств, которые имеют отношение к его национальной безопасности. Такой подход, на наш взгляд, должен распространяться и на государства, не являющиеся участниками Римского статута. Представляется, что такая позиция должна стать императивом, аналогичным по содержанию, например, с Резолюцией 1970 (2011) Совета Безопасности ООН от 26 февраля 2011 г. или нормой обычного права, иначе эффективность деятельности МУС будет напрямую будет зависеть от усмотрения соблюдения или несоблюдения разными государствами положений и требований Статута и от их политической воли поддерживать или не поддерживать МУС. Аналогичный подход уже был установлен в ст. 29 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии и ст. 28 Устава Международного трибунала по Руанде, где регламентировалось, что обязательства государств в отношении передачи военных преступников «преобладают над любыми правовыми препятствиями для передачи или перевода обвиняемых трибуналу, предусматриваемыми согласно национальному законодательству об экстрадиции либо экстрадиционным договорам соответствующего государства».

Что касается розыска лиц, совершивших военные преступления, то в соответствии с подп. а п. 1 ст. 93 Статута

МУС государства – участники Статута согласно процедурам, предусмотренным их национальным законодательством, выполняют просьбы Суда об оказании помощи в связи с осуществлением расследований или уголовного преследования путем идентификации и установления места нахождения лиц. Согласно ст. 86, п. 1–4 ст. 87 Статута МУС просьбу о производстве розыска и предварительного ареста может направить государству – участнику Статута или согласно п. 5 ст. 87 Статута любому другому государству. Государства в соответствии со ст. 88 Статута, т. е. согласно процедурам, предусмотренным их национальным законодательством, организуют и осуществляют розыск и арест лиц, совершивших военные преступления и скрывающихся на их территории, с последующей передачей МУС этих лиц. В соответствии со ст. 97 Статута, если, получив просьбу о производстве розыска, государство-участник устанавливает, что в связи с данной просьбой возникают проблемы, которые могут препятствовать ему выполнить данную просьбу либо исключают ее выполнение, такое государство безотлагательно проводит консультации с Судом для решения этого вопроса. Такие проблемы могут включать, в частности, недостаток информации для выполнения просьбы; в случае просьбы о последующем предоставлении в распоряжение – невозможность установить, несмотря на все приложенные усилия, местонахождение требуемого лица или если результаты проведенного расследования показывают, что лицо, находящееся в запрашиваемом государстве, явно не является лицом, упомянутым в ордере, или то обстоятельство, что выполнение просьбы в ее нынешнем виде потребовало бы от запрашиваемого государства нарушения существовавших ранее договорных обязательств по отношению к другому государству. Статут предусматривает случаи отсрочки исполнения просьбы МУС. Так, ст. 94 и 95 Статута предусматривают два случая наступления возможных отсрочек: 1) в соответствии со ст. 94, если немедленное исполнение просьбы о производстве розыска помешает ведущемуся расследованию или судебному преследованию по делу, отличному от дела, к которому относится просьба, запрашиваемое государство может отсрочить исполнение этой просьбы на срок, согласованный с Судом (такая отсрочка не должна превышать срок, необходимый для завершения проводимого расследования или судебного преследования в запрашиваемом государстве; перед вынесением решения об отсрочке запрашиваемое государство должно рассмотреть вопрос о том, может ли быть немедленно предоставлена помощь при соблюдении определенных условий); 2) в соответствии со ст. 95, когда Суд рассматривает протест в отношении приемлемости дела, запрашиваемое государство может отсрочить исполнение просьбы о производстве розыска до вынесения Судом определения, если только Суд не принял специального распоряжения о том, что прокурор может приступить к сбору доказательств в соответствии со ст. 18 или 19 Статута.

При этом функция организации и осуществления розыска и задержания лиц, в отношении которых МУС выдает ордера на арест, осуществляется силами национальных оперативно-розыскных подразделений либо Международной организации уголовной полиции – Интерпола. Так, в 2004 году правительство Уганды обратилось с жалобой в МУС на деятельность антиправительственной повстанческой группы. В итоге предварительного разбирательства МУС выдал ордера на арест четырех руководителей этой антиправительственной группы, а именно Джозефа Кони и трех его соратников, но они до сих пор не задержаны. В марте 2005 г. Совет Безопасности ООН резолюцией № 1593 поручил МУС расследовать ситуацию в Дарфуре, где шел вооруженный конфликт между правительственными войсками и антиправительственными движениями. В результате изучения ситуации МУС выдал ордера на арест ряда лиц, в том числе бывшего министра внутренних дел Судана Ахмада Харуна и руководителя проправительственного ополчения Али Кушаиба. В июле 2008 г. Обвинитель Суда подал ходатайство о выдаче ордера на арест действующего президента Судана Омара аль-Башира, и в марте 2009 г. это ходатайство было удовлетворено Палатой предварительного производства. Обвинение подверглось осуждению со стороны Африканского союза (АС), и с тех пор аль-Башир посетил более 15 стран, которые отказались выдать его МУС. До настоящего времени эти лица остаются на свободе. При этом Судан не является государством – участником МУС, а правительство Судана не признает за МУС права на осуществление своих функций на территории Судана.

Заключение

Таким образом, представляется, что для своевременного и эффективного исполнения ордеров на арест, выданных МУС по розыску, задержанию и передаче лиц, обвиняемых в совершении военных преступлений, целесообразно предоставить Прокурору МУС полномочия по созданию розыскных групп, наделенных правом задержания и передачи. Чтобы МУС за недостатком автономной полицейской силы не зависел от воли государств, с которыми он сотрудничает [6, с. 68], необходимо указанную норму инкорпорировать в конституции государств и национальные уголовно-процессуальные кодексы. Причем никакой местный закон не должен препятствовать осуществлению этого права Прокурором МУС. К розыску и задержанию обвиняемых в совершении военных преступлений необходимо привлекать разведывательные и полицейские службы с одновременным принятием эффективных мер в отношении государств, не желающих сотрудничать с МУС.

Список литературы / References

1. The Trial of Major War Criminals : Proceedings of the International Military Tribunal Sitting at Nuremberg Germany, Part 22, at 447 (1950). – 1961. – Vol. VII, P. 368 (The Trial of Major War Criminals: Proceedings of the International Military Tribunal Sitting at Nuremberg Germany, Part 22, at 447 (1950), 1961, Vol. VII, P. 368 (in Engl.)).
2. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября – 15 дек. 1946 г. – Лейк Соксес, Нью-Йорк : Объединенные Нации, 1947. – С. 139–140 (UN resolution, Oct. 23 – Dec. 15 1946, New York, 1947, pp. 139–140 (in Russ.)).
3. Международное публичное право : сб. документов. – М. : БЕК, 1996. – Т. 2. – С. 101–102 (Bekjashev K.A., Hodakov A.G. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. Sbornik dokumentov (Public International Law. Complication of Documents), 1996, Vol. 2, pp. 101–102 (in Russ.))
4. Anderson K. An Asian Pinochet? – Not Likely : The Unfulfilled International Law Promise in Japan's Treatment of Former Peruvian President Alberto Fujimori // Stanford Journal of International Law. – 2002. – No. 38. –P. 180–181, 196–198 (Anderson K., Stanford Journal of International Law, 2002, No. 38, pp. 180–181, 196–198 (in Engl.)).
5. Конституция Республики Армения 1995 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на референдумах 27 нояб. 2005 г. и 6 дек. 2015 г. – Режим доступа: <http://www.president.am/ru/constitution-2015/> – Дата доступа: 17.04.2017 (Constitution of the Republic of Armenia, 1995 (with the Amendments of 27.11.2005 and 06.12.2015) [Electronic resources]. Available at: <http://www.president.am/ru/constitution-2015/> (date of access: 17.04.2017) (in Russ.)).
6. Фифе, Р. Э. Международный уголовный суд. Откуда он пришел и куда идет / Р. Э. Фифе // Московский журн. междунар. права. – 2001. – № 1. – С. 68 (Fife R. Je., Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava, 2001, No. 1 (41), 68 p. (in Russ.)).

30.10.2017